

## ТЯГА К ОБРАЗУ

У него была ворчливая, скучная и неопрятная старость. Вышедший в тираж писатель и сам по себе был малосимпатичен. Лысый, как колено, череп. Короткая, точащая во все стороны борода, больше смахивавшая на щетину. Слезающиеся красные глаза, которые пришлось вооружить очками. Очки, хоть и стильные – маленькие, квадратные, в железной оправе – не могли придать лицу сколько-нибудь волевого выражения. Посторонним людям он казался рохлей. Пивной живот только подтверждал эту версию.

Блиzkих людей у писателя давно не было.

Единственным существом на свете, ради которого стоило открывать глаза по утрам – был электронный образ. Герой всех его романов. Призрак, выбитый писателем тысячами ударов пальцев по клавиатуре, будто вырубленный из гранита.

О, когда-то это был славный персонаж. Морской офицер, занявшийся частным сыском, а потом плавно переключившийся на борьбу с мировым злом. Целых три фильма сняли о нем режиссеры, сотни статей написали критики, миллионы экземпляров книги раскупили читатели. Его имя – теперь забытое публикой прочнее, чем имена второплановых актеров немого кино – пестрело везде. Даже несколько детей получили его. А у писателя не кончались творческие планы, идеи шли в голову, будто косяки сельди. Счастье казалось бесконечным, как пути железной дороги, уходящие за горизонт.

Эта слава гремела тридцать лет назад.

Продолжалась она недолго – года четыре. Вспышка, что подняла к вершинам безвестного литератора, до того делавшего по случаю переводы с венгерского. Писатель успел выпустить девять книг, стать миллионером и вообразить себя эталоном современной литературы. А потом началось непонятное. Успех стал медленно и верно сходиться на нет.

Нельзя сказать, что писатель заостенел либо же забронзовел. Разве только кончилась у него оригинальность, скопленная за всю предыдущую жизнь, выплеснулась без остатка в первые романы. А так писателя невозможно было обвинить в лени, в небрежности, даже в нежелании учиться. Он выработал четкий алгоритм действий: исправно перекапывал горы литературы, вникал в подробности эпохи, осваивал профессии. Представлял себе всех героев эпохи. А потом бережно, с величайшим почтением к деталям, переносил свои идеи на компьютерный монитор.

Всё было чудесно, но вот книги так хорошо не продавались. Может, просто ушла мода. Вероятно, приемы писателя освоили конкуренты. Может общество слишком поумнело для его книг или, напротив, его книги стали слишком глубоки для масс-культуры. Но почти наверняка кто-то в издательстве решил, что слишком много из этого героя не выжать. Бюджет на рекламу уменьшили. Брэнд начал сдуваться.

Поначалу перестали брать пространные интервью в любимом кабинете писателя. Затем свернули несколько проектов – передач о его книгах. Потом отгрызли финансирование кинолент. Он обижался, но решил, что это временное колебание – волна спроса – надо просто выдать на гора еще парочку хороших книг, еще немного поднажать со стилистикой, и все пойдет своим чередом.

После - пришло падение тиражей. Писатель страшно разругался с издательством, доказывая, что уменьшая количество экземпляров, они снижают число покупателей. Но ему меланхолично доказывали обратное – это спрос всегда чуть ниже предложения. Он хлопал дверью, пытался работать с другими фирмами, возвращался – всё оказывалось бесполезным.

Писатель, однако, не изменил своему герою. Ему намекали много раз, но в ответ он неизменно злился. Всё тот же бравый вояка исправно оживал, ввязывался в очередную переделку, получал свою порцию тычков и огнестрельных ранений. Всегда побеждал, не делая большой карьеры.

Так прошло десять лет. Добродушный толстяк стал завсегдаем форумов и конференций. Пытался писать критику. Пробовал учить молодых. Иногда у него брали интервью, но

каждый раз журналистам становилось всё труднее общаться с ним – ведь обязательным условием писатель ставил прочтение всех своих трудов. А писал он в привычном ныне ритме – полторы книги в год. Однако, незаметно для себя, он превратился в эдакую достопримечательность, в диковинное животное, которое существует на общественных началах. Он слишком врос в свой свитер, в очки, в понимающую усмешку. Не мог говорить без стандартных афоризмов, что давно выучили все окружающие.

У него оставались фанаты – не так много и с каждой книгой все меньше. Они утверждали, что пишет он все лучше и лучше, только вот слишком уж сложно. Он тянул, не прекращал запутывать бесконечную интригу, которую начал с первых страниц первой книги. Сюжетные линии стал таким плотным, тугим клубком, что намеки и отсылки не оставили в тексте ни одного свободно места. Новые вещи было невозможно читать без старых.

Лет десять назад писатель думал завязать. Он носился с идеей полного собрания сочинений. «Полка книг для любого возраста» - биография героя была прослежена от родословной дальних предков, от пеленок и молока матери, до судьбы вероятных потомков и проектов надгробного памятника. Лишь смерть, лишь финальная точка еще оставалась не выписанной. Он обещал склепать её под последний контракт. Только писателю хотелось издания обязательно в хорошем переплете, с лучшими иллюстрациями. И бумага чтоб высшего сорта. Издательство не согласилось. Первые десять книг – ещё куда ни шло. Ну, двенадцать. Но все?! Нет.

Он решил, что уходить на покой рано, что он ещё всем покажет. Да и страшно не хотелось становиться человеком, для которого писательство уже в прошлом. Обыкновенным пенсионером. Писатель собрал волю в кулак, просидел над книгой полтора года, но выпустил очередную вещь. Парадоксальным образом после этого скандала и многомесячного усилия – он возненавидел свои ранние работы. Ему казалось, что это была незаслуженная слава и только теперь, прожив жизнь, он сможет создавать шедевры. Роман вышел тиражом в три тысячи. Критика не заметила. Читатели еле разобрали экземпляры. Ему пришлось высылать по почте книги с автографами, потому как самые преданные поклонники уже не могли заполнить тот большой зал, в котором он хотел провести творческий вечер.

Писатель не придумал этому значения. Он сидел за следующим творением.

Последние годы его мечтой стало написать финальный роман. Он чувствовал – пора. Герой почти безнадежно состарился. Не стало эффектных поединков, погонь и взрывов. Женщины превратились только в партнерш по танцам и повод для воспоминаний. Донимали раны и болезни. Герой больше сидел перед любимой клумбой, думал, анализировал. А потом наносил удар – неотвратимый, но уж очень слабый. Преступники перестали его бояться и сильно удивлялись, когда их арестовывали.

Несколько месяцев назад писателю стало хуже. Он начал терять кредитные карточки, забывать вещи в самых неожиданных местах. А когда мелкий жулик вышел на него и предложил за смешную сумму опубликовать несколько романов – не глядя подписал договор. В результате чуть не лишился сбережений. Писателю стало страшно, а по ночам накатывала тоска и он плакал. Казалось, что начался склероз или пришел маразм. Пора собираться в дом престарелых, или, в лучшем случае, теперь за ним будет смотреть медицинский робот.

Обследование показало, что он ещё в здравом уме. Вопрос не в кровеносных сосудах мозга, а в растущих психических заскоках. Врач настаивал на лечении, но писатель всё понял лучше. Нельзя отвлекаться от текста. Надо работать как проклятому. Герой зовет его. С собой. Просто персонаж идет к смерти быстрее своего автора.

Поначалу он испугался. Писатель всю жизнь боялся умереть. Он отказывался понимать, что в его черепе перестанет биться мысль. Навсегда потухнут глаза. Окоченеют пальцы. В самой черной депрессии он валялся на любимой тахте и смотрел в потолок. Иногда бросался выполнять совершенно ненужную никому работу – протирать оконные стекла

или раскладывать по порядку книги – потом снова замирал, как разрядившаяся игрушечная собака. Кончилось это тем, что он случайно положил руки на клавиатуру. Нельзя было бросать дело. И жить без него нельзя. Правильное решение – уйти во тьму вместе с героем.

Ему полегчало. Это был своего рода ренессанс. Незачем было приберегать варианты «на потом». Незачем экономить персонажей второго плана – всех можно пускать под нож. Наконец зло не нужно ограничивать в силах. Самое страшное, ужасное и отвратительное можно вывести на страницы произведения. Ведь победа над ним будет куплена самой дорогой ценой, жизнью главного героя, и потому абсолютно правдива.

Писатель закрутил совершенно головоломную интригу, пытаясь добиться сложного результата – чтобы все элементы текста были вроде как просты и понятны, но при этом вели к прежним романам. Двойная логическая система с обратной связью и пунктирной рефлексией. Впрочем, это выдуманное название он нигде не записал. Некогда было.

Дело шло к концу, а надо было еще выбрать способ ухода. Почему-то писателю хотелось взорваться – чтобы пара килограмм тротила, бензин. Кремация с гарантией. Но это была все лишь старая страсть к показухе. Он осудил сам себя за подобные фантазии. Отказался стреляться или закалываться. Тем более не хотел вешаться.

Снотворное. Тихо, чисто, без боли и вони. Этот способ определил смерть героя. Отравление – вместе со злодеем он выпьет роковую чашу. Оба будут знать, что там, и оба не повернут назад.

Наконец, кончились все нити, зачистились все концы. Осталась финальная сцена. Писатель не стал устраивать сам себе пышных отходных церемоний. Что-то бормоча себе под нос – высыпал порошки в вино. Не смог отказать себе в маленьком удовольствии – бронзовый кубок был подделкой похожей вещи эпохи Хань. И, потягивая вино через соломинку, начал выстукивать очередное сочетание букв.

Последний разговор героя. И казалось писателю, что вот сейчас, когда глупо хитрить с самим собой, можно будет узнать всё, прислушаться к словам или самому влезть в спор.

- Получилась хорошая жизнь, - он поднял кубок, - Яркая, добрая.
- Ты многого не успел, - собеседник поглаживал седую бородку.
- Полной победы не бывает, - философски замечает он.
- Но я-то бился за неё изо всех сил, - легкая укоризна с той стороны.
- А я до сих пор не понимаю – стоило ли драться все эти годы, или стоило побеждать раньше?
- Даже сейчас не знаешь?
- Да, - чуть растерянная улыбка.
- Тогда не поймешь и до темноты.

Писатель мигнул, вытер пот со лба и добил последнюю строчку. Всё. Выслал текст в редакцию. Было, правда, сопроводительное письмо.

Засыпая, он вспоминал лучшие моменты своих поздних романов.

Однако же писатель не умер. Нахимичил с препаратами. А через сутки его, еле живого, заполучили к себе медики. Престижный дом, где он жил, следил за подвижностью своих обитателей. В больнице промыли желудок, почистили кровь. Только не смогли вывести из комы.

Теперь он лежит в комплексе жизнеобеспечения. Белый пластиковый ящик, чуть больше обычной койки. От него пахнет хлоркой, торчат в разные стороны трубки и провода. Питание по третьей норме, осмотр раз в неделю. Он будет лежать, пока не кончатся деньги – еще лет семь-восемь. Иногда его пытаются привести в чувство разрядами тока, иногда – громкой музыкой. А совсем редко приходят студенты-практиканты, и читают ему отрывки из романов, думая разбудить память.

Жаль, они пользуются ранними текстами, а последний шедевр так и лежит в редакции. Его отпечатают к годовщине биологической смерти.